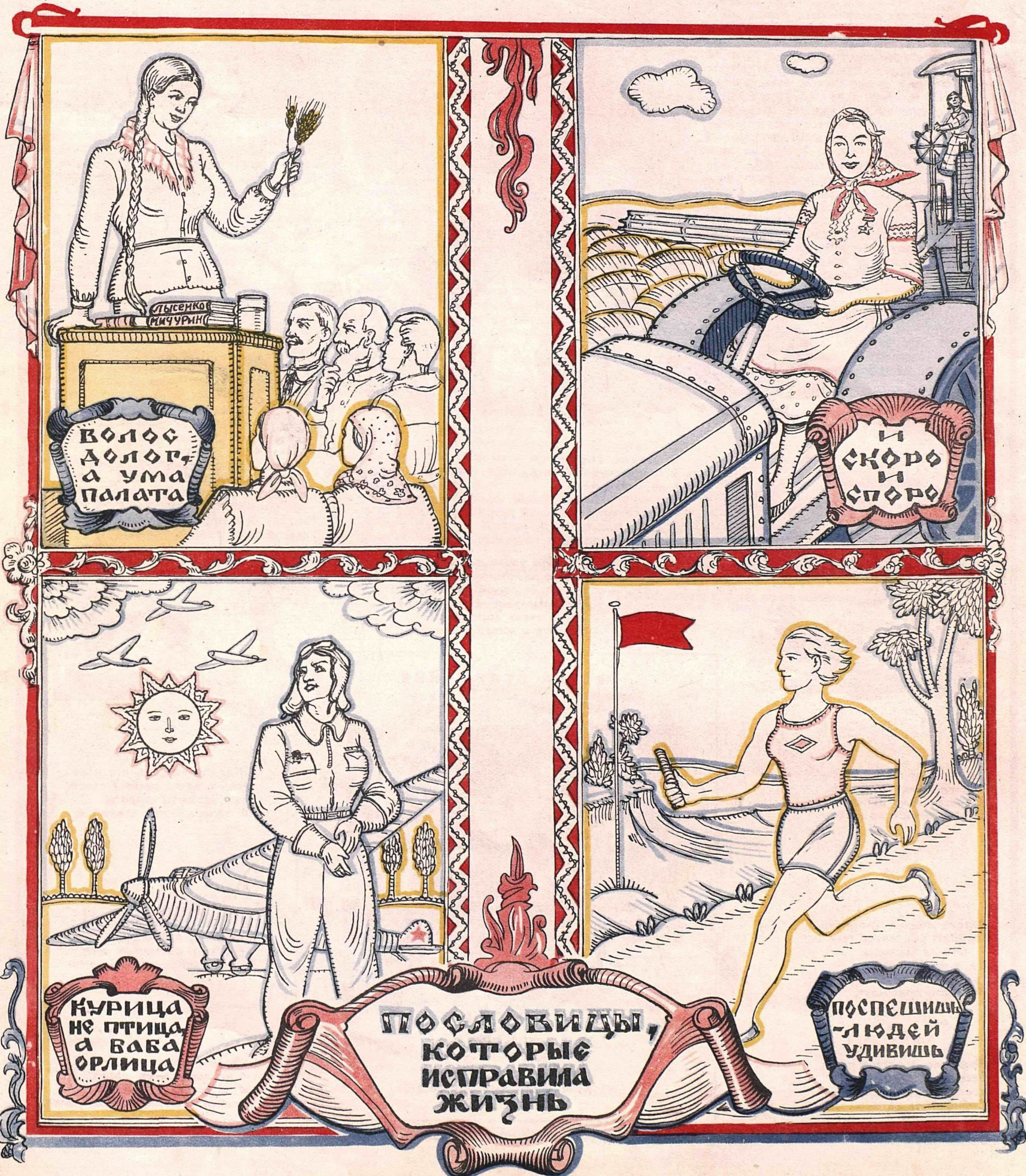
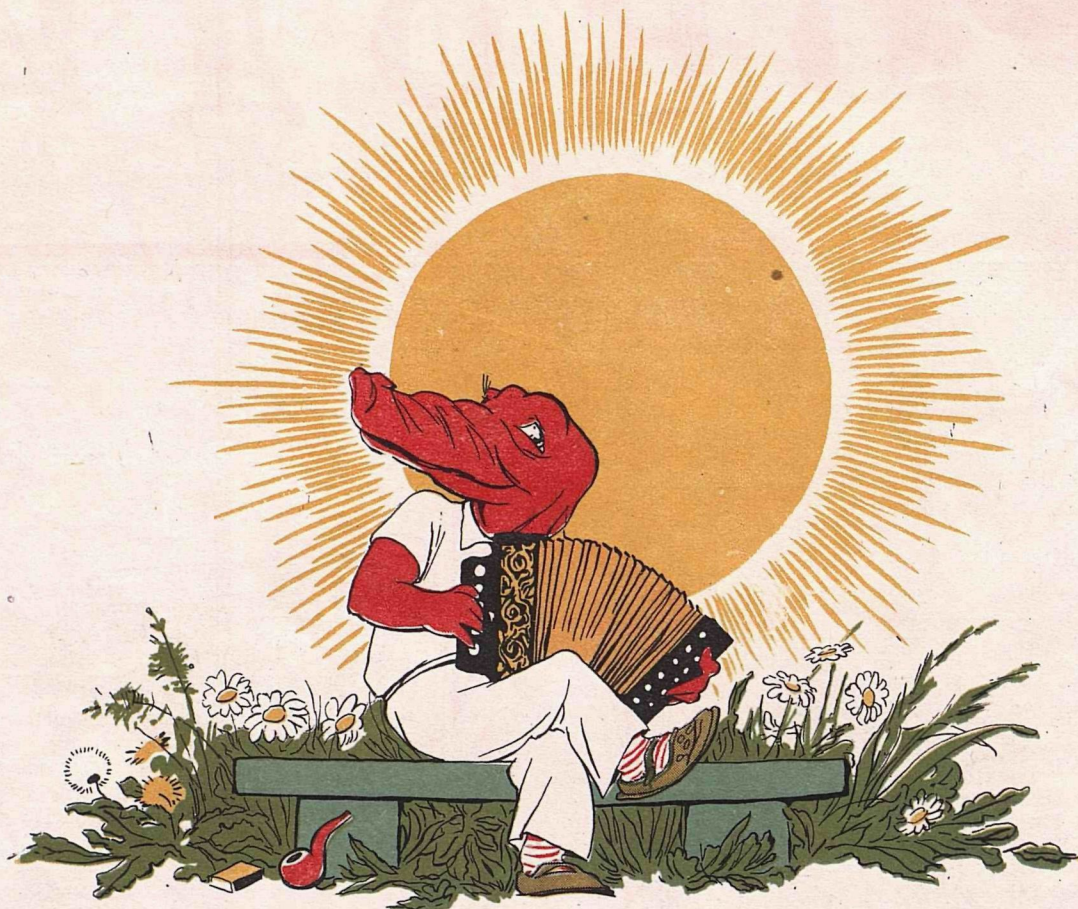

K556/49r

КРОКОДИЛ

Есть у солнца чудный метод —
Греет, не стесняется,

Потому и номер этот
Лету посвящается.

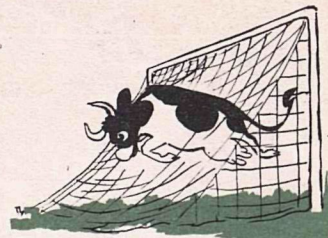

Мы на лодочке катались,
Подчинившись модочке,
Не катались, а купались
В той дырявой лодочке.

Парень кончил институт,
Говорит: «Останусь тут».
У него-де малярия
Да знакомая Мария,
Так что пусть периферия
И работа подождут.

Прилетели с юга в поле,
Заселили птицы луг,
Все театры на гастроли
Собираются на юг.

В нашем парке дни и ночи
Радиовещают точки:
И в аллее самой дальней,
И в медпункте, и в читальне.
Точки очень хороши,
Но читать милей в тиши.

Стадион блистал, что надо...
Нынче здесь гасётся стадо.
Был когда-то стадион,
А теперь — при стаде он!

В санаторий прибыл, важен,
Бюрократ с солидным стажем.
Признаёт почтенный муж
Только «циркулярный» душ.

Убирает поле жатка
И не валко и не шатко,
И не шатко и не валко,
Значит, в спицах где-то палка.

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

Кыш, черти неграмотные!..

Еще маршелец...

Б. В. ЧЕРНОВУ,
начальнику службы движения Горьковской железной дороги

Доброе летнее утро, Борис Васильевич!

Знаем, что вечерами и даже в тёплые летние ночи нет Вам теперь ни отдыха, ни покоя и потому уж, конечно, не до наших поклонов.

Да, беспокойная у Вас служба. Чудным летом, когда всё располагает к неге и тишине, когда надо восторгаться расцветающей вишней и окунать своё брэнное тело в ласкающую волжскую воду, приходится Вам вместо этого вести борьбу с какими-то беспокойными людьми, придумывающими новые движения на транспорте. Уж больно народ у Вас строптивый на дороге: нет в нём послушания и благоговения перед начальством, горячо сочувствуем Вам и льём свои крокодиловы слёзы на Ваш парадный летний китель.

А Сергей Алексеевич Федотов, машинист-пятисотник депо Владимир, — виновник всех бед — не только не сочувствует Вам, но даже возмущается Вашими поступками. Он и многие другие машинисты уверяют, что Вы тормозите всеми своими силёнками движение поездов на высоких скоростях, что Вы тянете назад развитие инициативы пятисотников. Они даже почему-то вспомнили, говоря о Вас, старую поговорку: «Где хвост — начало, там голова — мочало».

Что касается тормозов, то они, пожалуй, правы. Наставили Вы их много. 19 мая мы были на тендере паровоза «СО 4004», когда Федотов со своими напарниками сделал за сутки 645 километров. Но благодаря Вашим стараниям

он тогда потерял всё же немало времени. 125 километров из Владимира до Вязников Федотов (провёл тяжёловесный состав за 2 часа 5 минут. А в Вязниках он простоял 2 часа 50 минут, так как диспетчер Лысихин и дежурный по станции Ермилов — Ваши надёжные тормоза — не разрешили Федотову принять и повести готовый к отправлению поезд № 675. Когда Федотов и диспетчеры Владимирского отделения Юрени и Бороздин связались с управлением, то там дежурные Рыжиков и Вдовици тоже оказались тормозами.

Смазанные Вашим категорическим распоряжением не пускать федотовский паровоз к составу, они три часа продержали на путях и паровоз и поезд. Только после вмешательства секретаря Владимирского обкома ВКП(б) тов. Морозова и зам. начальника политотдела дороги тормоза убрали, и Федотов молнией помчал поезд к Петушкам. Тогда вы грозно обрушились на всю линию, срочно требуя объяснения, на каком основании этому беспокойному машинисту дали состав и открыли «зелёную улицу».

Но глубокой ночью, не жалея своих сил, Вы слегка отыгрались уже на станции Петушки. Там Ваш тормоз в облике дежурного по станции Карпова лишних полтора часа продержал паровоз, закрыв ему пути к составу, затянув экипировку.

Всё чаще, правда, Ваши тормоза портятся, как, например, 24 мая, когда Федотову удалось побить всесоюзный рекорд скорости движения поездов и сде-

лать за сутки 760 километров. Но, на его счастье, в этот день Вы были выходным и наслаждались летними дарами природы.

Зато отыгрывались Вы несколько дней подряд: 28, 30 мая, 2, 4 и в другие дни июня, когда в Вязниках, Петушках, Коврове, Новках паровозы пятисотников Федотова, Кондратьева, Соколова, Фирсова, Ильина и других потеряли много десятков часов. Это Вы тогда на жалобы диспетчеров заявили: «Я не знаю пятисотников, для меня все паровозы равны».

Да, много неприятных сюрпризов принесли Вам Федотов и его последователи. Как раньше было всё спокойно! И надо же было этому Федотову ещё в марте почувствовать с приближением лета приток новых сил и такое возбуждённое стремление к новому! Мало ему оказалось нормы — организовал целую колонну пятисотников и других заразил. В мае уже работала вторая колонна — Кондратьева, — а тут организовалась и третья. А у Вас беспокойство увеличилось, наверное, тоже втрое.

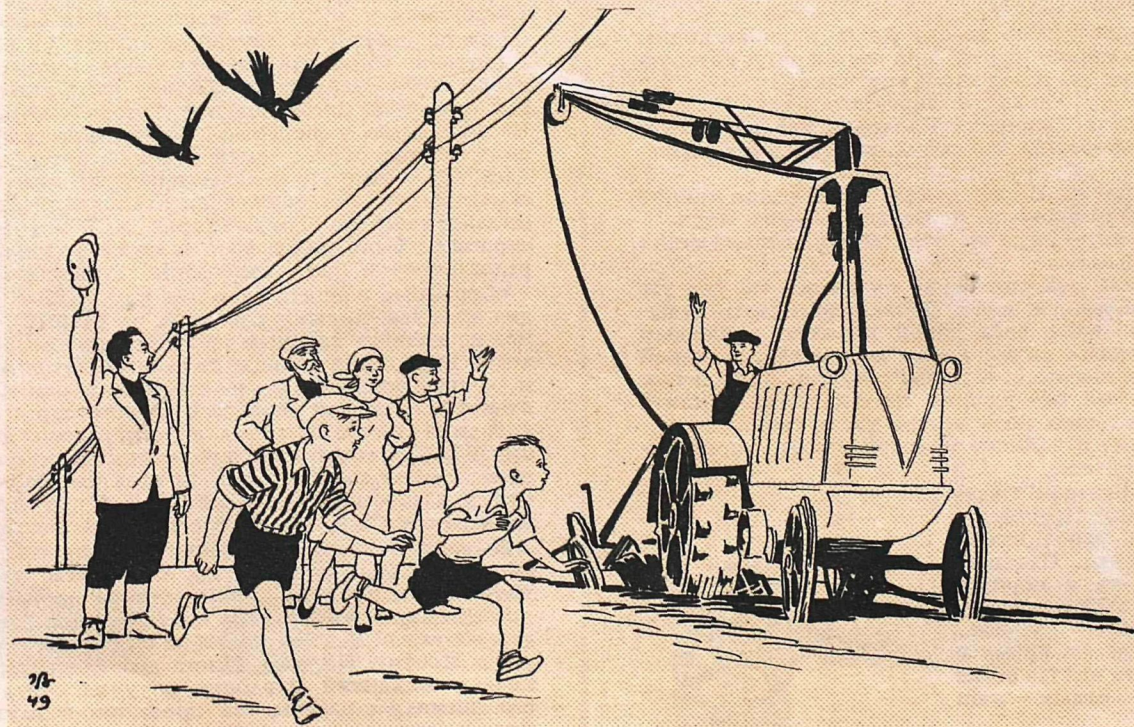
Мы так думаем, что во всём лето виновато. Расплавило оно Ваши тормоза, и действуют они всё хуже и хуже, не в силах сдерживать стремительного хода советских паровозов, ведомых богатырями-машинистами. И кажется нам, что ветерок от их мощного движения окончательно вышибет из Ваших рук эти тормоза.

Может быть, есть смысл самому их бросить? Как Ваше мнение, Борис Васильевич? Ведь лето четвёртого года пятилетки стремительно движется вперёд — на пути стоять опасно!

Крокодил

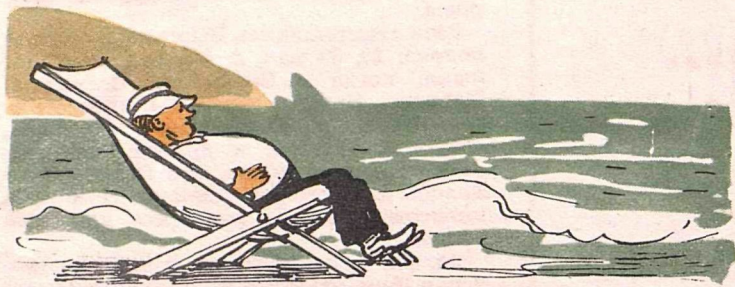
На колхозных полях Мытищинского района испытывается электрический трактор, изготовленный в Москве.

Рис. Г. ВАЛЬКА

Бодро вырвавшись на волю,
На равнины пегие,

Ходит молодец по полю,
Полон мосэнергии!

ТАКАЯ УЖ ФОРТУНА!

ВИКЕНТИЯ Павловича Струнникова постигла катастрофа. Служебная. Был человек управделами почтенного треста, имел солидный кабинет, заместителя, прикрепленную машину, квартиру в ведомственном доме и... Да мало ли что он имел ещё! И вдруг — трах, и ничего этого нет. Сняли. И бросили директором дома отдыха на Черноморском побережье. А за что сняли? За то, что человек, как говорится, разбился в лепёшку, но в двухмесячный срок осуществил капитальный ремонт кабинетов директора треста и двух его заместителей.

И не просто ремонт: не какая-нибудь там подбелка потолков или настружка паркета. Нет, он превратил кабинеты в художественные жемчужины! Кабинет директора был отделан панелью из чёрного дуба в шахматную клетку. У первого зама пустился на стены матерчатые обои. Да что говорить! Сам директор, когда вошёл в отремонтированный кабинет, сказал:

— Ну и ну!..

Сказать-то он сказал, но через две недели ушёл на другую работу. Ушёл не совсем по собственному желанию... Ну, да это уж совсем другой вопрос!.. А новый директор «ну и ну» не сказал, но вскоре вызвал к себе Викентия Павловича.

— Послушайте-ка, — сказал он недобрый голосом, — почему помещения треста так запущены? В общем отделе даже столов нехватает. В коридорах стены обшарпаны. В подъезде через всё витринное стекло трещина. Нет смысла всё вам сейчас перечислять: сами, небось, знаете. Перед кем это вы нищенство демонстрируете?

Викентий Павлович красноречивым и, так сказать, наводящим взглядом обвёл шикарное четырёхстенное кабинета, но директор, видать, не понял этого взгляда.

— Деньги-то на ремонт у вас должны быть?

Викентий Павлович терпеливо ещё раз повторил свой красноречивый взгляд кабинета, и тогда директор, кажется, догадался...

Через некоторое время курьер треста Даша вручила копию приказа Викентию Павловичу, сказав при этом фразу, которую она всегда говорила людям в подобной ситуации:

— Ничего не поделаешь, такая уж фортуна!..

Фортуна — фортуной, но Викентий Павлович всё же кое-что сделал против слепой фортуны и в результате получил назначение в дом отдыха.

В поезде, мчавшем его на юг, он думал, что в конце концов не так уж плохо всё лето провести на берегу Чёрного моря.

«Дел там, — думал он, — не так уж много, отдыхающих обслуживает сама природа...»

Работы в доме отдыха действительно оказалось не так уж много, но всё же и не так уж мало. Начали приезжать отдыхающие. Викентий Павлович ввёл такой порядок: с каждым приезжавшим он беседовал лично и сам определял, в какой корпус направить отдыхающего: в новый каменный, со всеми удобствами, или в старый, без удобств, но с клопами. Решить и этот вопрос было не легко, но и не так уж трудно.

Вот, например, входит в кабинет молодой, простоявший па-рень в стандартном пиджаке.

— Здравствуйте! С приходом! Садитесь. Как ваша фамилия? Прекрасно. Где вы работаете? Ах, завод имени Калинина. Как же, знаю... Слесарь? Прекрасно. Будете жить в корпусе номер два, вот там... Видите за деревьями деревянный дом? Ну, вот... Желаю вам весело провести время и отдохнуть на славу. Что вы! Не стоит благодарности. Ваш отдых — наш долг. Привет!..

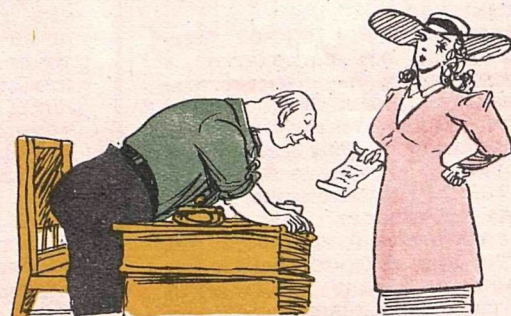
Или является человек в кремовом пыльнике и в шляпе с широкими полями. В руке жёлтый, как солнце, портфель. Тут разговор складывается иначе.

— Товарищ Струнников? Кажется, Викентий Павлович? — строго спрашивает вошедший и, даже не здороваясь, плюхается в кресло. — Измотало в поезде, в международном вагоне душно, как в бане. Да, вам привет от Якова Львовича...

— Спасибо, — почтительно откликается Викентий Павлович и уже пишет на путёвке: «Корпус № 1, отдел. комн.».

А то входит девушка-картинка: так она раскрашена. «Артистка», — решает про себя Викентий Павлович и уже нарекает ей корпус № 2. Дело в том, что однажды Госконтроль опротестовал подписанный Викентием Павловичем документ об оплате концерта в тресте, и пришлось Викентию Павловичу за этот концерт расплачиваться собственными, кровными. С тех пор он яростно не взлюбил племя артистов. Сейчас он, оберегая нервы, старался даже не глядеть на вошедшую. А что оказалось? У девушки-картинки оказалась записка от того человека, который подписал приказ о назначении Викентия Павловича в

этот дом отдыха. И пришлось ему определить «картинку» в новый корпус и, конечно, в отдельную комнату. Вот какие неожиданные и сложные ситуации возникают для директора дома отдыха!

И ещё один, последний пример... В кабинет входят двое: муж и жена. Пожилые. Солидные. Одеты прекрасно. Держатся независимо.

«Научные работники, — подумал Викентий Павлович, — этих надо в каменный». Каково же было смущение директора, когда эти его посетители оказались колхозниками! Ну, и, конечно, он направил их в старый корпус. Уж кому-кому, а им и деревянный корпус покажется дворцом...

Но вот, как говорят курортные директора, контингент заполнен и начинается месяц кормления. По этому случаю Викентий Павлович дал руководящие указания сестре-хозяйке (это должность, чтобы не подумали плохого) и бухгалтеру и на два дня отправился поразмяться и людей повидать в благословенную курортную столицу под названием Сочи.

Возвратясь, он нашёл всё в полном порядке. Больше того, сестра-хозяйка сообщила ему, что в дом отдыха приезжал фоторепортёр из курортной газеты, который, как сказала она, снимал разный типаж из курортников...

«Прекрасно, — подумал Викентий Павлович, — это работает на меня. Будет опечатано, пошлю газету в Москву, пусть там полюбуются и вспомнят меня добрым словом...»

Газета пришла на другой день. На четвёртой её странице Викентий Павлович сразу увидел волноватее фото. Он узнал его по знакомому объекту дома отдыха — дуб и кольцевая скамейка. Заголовок над фото: «Знатные люди страны на Черноморском побережье». Но на фотографии бог знает что: снят вот тот простоявший ларёнок, который слесарь, а оказалось, что это лауреат Сталинской премии Николай Грибанов; снята та самая супружеская колхозная чета, а они Герои Социалистического Труда Дарья и Ефим Нехода... Но самое страшное было ниже фото и ниже подписи. Там стояло: «От редакции» — и было напечатано буквально следующее:

«Странные порядки творятся в этом доме отдыха. Есть в нём два корпуса: новый, хороший, и старый, который попросту можно назвать грязным клоповником. Вообще возмутительно, когда курортные дельцы начинают по принципу приятельства и разных «записочек» делить отдыхающих, имеющих равные путёвки, на людей первого и второго сорта. Но вдвойне возмутительно то, что проделал директор этого дома отдыха Струнников В. П. Слово в порядке продуманного издевательства над знатными людьми страны, он всех их поместил в старый корпус, а в новом расселил людей, которые приезжали к нему с записочками и прочими постыдными рекомендациями...»

Выводы Викентий Павлович даже не стал читать, зажмурился. Несколько дней он прожил затем, как в предгрозовом удушье. Он поручил сестре-хозяйке провести переселение отдыхающих, а сам объявил себя больным и не показывался людям на глаза. Все его надежды были на то, что газета не попадёт в Москву. Но, увы, газета добралась и до Москвы. Через неделю Викентий Павлович получил отсюда роковой приказ: его снимали с работы «за преступно-возмутительное отношение к отдыхающим». Когда Викентий Павлович прочитал приказ, ему послышался голос курьера Даши: «Такая уж фортуна!..»

Подчинившись сей фортуны, Викентий Павлович отбыл с Черноморского побережья.

Иллюстрации А. КАНЕВСКОГО

В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

(НАПОМИНАНИЕ В СВЯЗИ С ГОДОВЩИНОЙ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

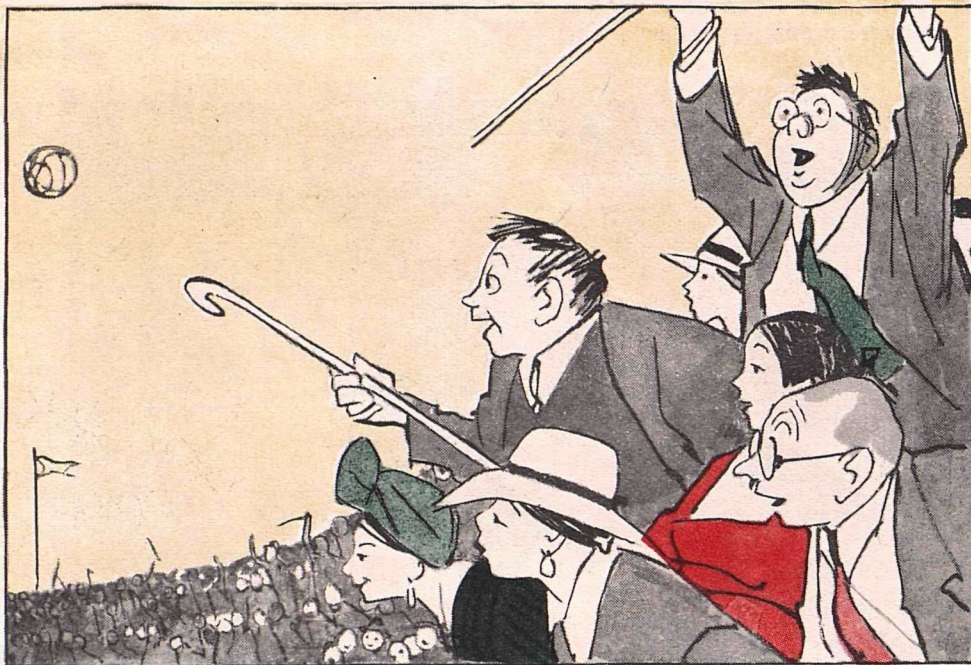
Рис. Н. ЖУКОВА

Компанья уоллстритовских господ
Сожгла бы мир, когда бы было можно.
И видит око, только зуб неймёт,
Поскольку нынче мир
в руках надёжных.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

НА ТРИБУНЕ СТАДИОНА

— Костя, жми!..

В КОМЕНДАТУРЕ СТАДИОНА

— Гражданин Иванов, ваша дочка Галя разыскивает вас...

С. МАРШАК

Есм

Собираясь на экзамен,
Валя говорила:
— Если будет палец мамин
Погружён в чернила,

Если я перед доскою
Как-нибудь украдкой
Ухитрюсь одной рукою
Взять себя за пятку,

Если я три раза в школе
Повторю заклятье,
А потом мешочек соли
Приколю на платье,

Если встретится горбатый
На пути к Арбату,
А в троллейбусе вожатый
Будет бородатый,

Если я в пути не встречу
Ни попа, ни кошки,
Или во-время замечу
И сверну с дорожки,

Если я менять не буду,
Что на мне надето,
И про мыло позабуду
До начала лета,

Если я зашью монеты
В фартук под оборки, —
То, по всем моим приметам,
Получу по всем предметам
Круглые пятёрки!

Не успела наша Валя
Кончить эту фразу, —
Болтовню её прервали
Все ребята сразу:

— Не мешай нам заниматься,
Знай свои приметы,
Ну, а мы повторим вкратце
Школьные предметы!

Наконец настал экзамен.
Мама уступила —
И несчастный палец мамин
Погружён в чернила.

И достала Валя денег,
Чтоб пришить к подолу.
И не встретился священник
По дороге в школу.

И попался ей горбатый
На пути к Арбату.
И в вагоне был вожатый
Старый, бородатый.

И пред классною доскою
Удалось украдкой
Ей свободною рукою
Взять себя за пятку...

Но другие ученицы
Сдали все предметы,
А у Вали — единицы...
Вот вам и приметы!

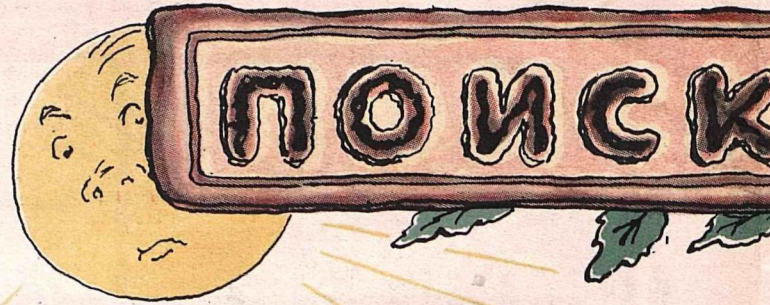
Рис. Бор. ЕФИМОВА

В Америке всё явственнее вырисовываются признаки экономического кризиса.

Бор. Ефимов-49.

Предгрозовая духота на Уолл-стрите.

ПОИСК

К ВЕРНЫЕ ПРИМЕТЫ

КОНЧИЛАСЬ весна. Натуралисты с редким единодушием отмечают приход лета. Четвёртые страницы газет печатают волнующую фенологическую статистику. В Москве в рекордно короткий срок отцвела черёмуха. Под Рязанью зацвели примулы. В Тульскую область с юга прибыл последний перепел. Пернатый путешественник прилетел на 11 дней раньше, чем в 1920 году, и на 16 часов 20 минут позже, чем в шестидесятом году прошлого столетия.

Сообщение о перепеле встревожило редакцию Крокодила. Сомнений быть не могло: и в Туле наступило лето. Надо было ехать. Редакция давно хотела узнать, как организован летний отдых туляков.

* * *

В городе оружейников нам и впрямь показалось, что фенологи не ошиблись. Над Тулой висело жаркое солнце, деревья покачивали на ветру пышнолиственными кронами, в придорожной пыли купались воробьиные семьи, метровые афиши извещали о приезде Симона и Беатрисы Дольварос—мастеров оригинального жанра, счастливых обладателей радиомозга.

— С летом вас!—сказали мы Петру Алексеевичу Семёнову, старому оружейнику, коренному туляку.

— Вы всерьёз думаете, что оно наступило?... Хм... А я, знаете, как-то в этом не уверен...

— Что вы, Пётр Алексеевич! Почитайте фенологические сводки. Во-первых, цветут примулы. Во-вторых, из гнёзд вылетели юные грачи. В-третьих, пожилые зайцы обучают хоббе молодых. Что же вам ещё нужно?!

Пётр Алексеевич ухмыльнулся в тронутые сединами усы и заметил, что нельзя ограничивать признаки лета ростом грачиного и заячьего молодняка, и что не одними примулами жив человек, и что лето фенологов не всегда совпадает с летом ведомственным.

ЭХ, РАЗ ВЗЯЛИ!

ВСАДУ клуба «Серп и молот» мы сразу же вспомнили о последних словах Петра Алексеевича. Здесь и не пахло летом. Сад был грязен и пуст. По аллеям, меж сдвинутых скамеек и урн, бродила одинокая фигура сторожа. На недостроенной эстраде кто-то заунывно тянул:

— Эх, раз взяли!.. Ещё раз взяли!..

— Не тот вокал!—сказал, кивая на эстраду, директор клуба товарищ Роскин.— Не те, к сожалению, напевы...

— М-да, пора бы зазвучать с эстрады иным песням.

— Давно пора!—оживился директор.—Ведь 1 мая собирались открыть сад. Готовились. План составили. Какой план! Феерия, сказка! Тринадцать массовых гуляний! Да что говорить,—махнул рукой. Роскин,—замучали нас строительные мелодии!

— Эх-ма, взяли!—донеслось с эстрады.

— Что теперь возьмёшь?—мрачно продол-

жал директор.—Гуляния отменены, сборов нет, финплан под ударом...

Директор ещё долго вздыхал, скорбел и терзался. Мы пытались успокоить товарища Роскина, но он был безутешен. Взволнованные, мы покинули заводской сад.

...Признаков лета не оказалось и на реке. Загадочная тишина стояла над водной гладью. С Упы, рассекавшей город, не доносилось ни гула моторок, ни скрипа уключин. Мы спустились к дощатому помосту водной станции «Динамо».

— Эх, раз взяли!—неожиданно прорезала тишину знакомая полуиндустриальная мелодия.

— Достраиваем купальню для начинающих,—пояснил нам начальник станции товарищ Прокофьев.— Не успели за летом. Ну, ничего, теперь уж немного осталось.

— Что-то лодок не видно?

— Ах, лодки!—воскликнул старый водник.— Были у нас и лодки. Раньше сто сорок штук по Упе ходило. Две моторки. Как же, очень хорошо помню. Любил туляк кататься, отдыхать на воде.

— А теперь не любит?

— Люби не люби, что толку? Лодок-то нехватка.

— И много их нехватает?

— Сто сорок штук! Не доставили! Не успели, стало быть, за летом!

ПОЛИГОН ВЕСЕЛЬЯ

Н

НАМ ничего не оставалось, как распрощаться со старым водником и отправиться на поиски лета в парк культуры и отдыха. О парке мы были много слышаны. Его называли кузницей здорового отдыха, полигоном веселья, зелёным барьером от суховеев скуки. Парк и впрямь оказался великолепным. Всё здесь было одинаково хорошо: и роща задумчивых берёз, и тихие сосновые аллеи, и изумрудная, густая, не примятая трава, и тщательно подметённые дорожки, и пышные клумбы, на которых цвели чудеса местной ботаники. Но, увы... В летнем парке было по-осеннему скучно. Скукой веяло от аттракционов, от танцевального зала, где, обходя предательские щели в полу, опасливо плясали пары, от ансамбля оперетты—всех этих ковбоев из «Роз-Мари», уныло остривших на сцене летнего театра.

Мы покинули полигон веселья, чтобы немедленно разыскать хозяина парка.

УДИВИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

П

ПАРКОМ занимается отдел культпросветработы. Зайдите к Алексею Гавриловичу Новикову, четвёртая дверь направо,—любезно сказали нам в горисполкоме.

Мы отыскивали нужную дверь, вошли в кабинет и сразу же прониклись глубочайшим уважением к его хозяину. Комната от пола до потолка была забита романами, повестями

и стихами. Тома, томища и томйки лежали на столах, на шкафах, на диване, подоконнике, заполняли все углы и простенки. По мере того, как мы разглядывали штабеля книг, росло наше уважение к человеку, который в своей будничной, оперативной работе так широко пользуется дарами художественной литературы.

— Прошу,—донёсся голос из-за книжной баррикады.—Будем знакомы: Новиков Алексей Гаврилович.

— О, у вас тут, никак, целая библиотека!

— Точно,—ответил голос,—это и есть городская публичная библиотека.

— А... а культпросветотдел?..

— Здесь и отдел,—сказал тот же голос из-за баррикады.—Присаживайтесь, я всё объясню.

Мы просунули головы в просвет между сборниками песен Исаковского и романами Шолохова и увидели Алексея Гавриловича, который незамедлительно поведал нам скорбную повесть о мытарствах библиотечных работников. Начало сей повести ведёт к сентябрю 1947 года, когда очередная сессия городского совета депутатов трудящихся предложила подыскать помещение для публичной библиотеки. Шли годы, собирались сессии, выносились дополнительные решения и...

— И вот теперь,—вздыхнул Алексей Гаврилович,—приходится устанавливать шкафы в кабинетах заместителей председателей горисполкома, чтобы как-нибудь разместить всё возрастающий книжный фонд.

Нас подмывало спросить, по какому же принципу будут размещаться книги: то ли по отраслевому, когда, скажем, в шкафу у зампреда по местной промышленности будут храниться художественные произведения о стахановцах и инженерно-технической интеллигенции; то ли безо всяких принципов, когда, к примеру, шкаф товарища Скарятина, ведающего жилищно-коммунальным хозяйством, будет заполнен только лирическими стихами и баснями?

Однако после здравого размышления мы сочли бестактным задавать подобные вопросы и лишь осведомились о перспективах летнего сезона в парке.

— Парк открылся во-время, — поскущевшим голосом ответил Алексей Гаврилович. — По сравнению с прошлым годом есть у нас достижения, есть и недостатки... Имеется хороший хор... Наблюдается нехватка массовиков...

— Нет ни одного массовика? — легко догадались мы, вспомнив беседу со старым водником.

— Ни одного, — согласился Алексей Гаврилович. — Слабовато у нас с лекционной пропагандой. Туговато с концертами. Но это уж вина филармонии. По сравнению с прошлым годом мы увеличили контингент скамеек и диванов, но у нас ещё наблюдается недоработка по линии аттракционов...

Абсолютная ясность в отношении диванов и скамеек позволила нам с лёгким сердцем покинуть Алексея Гавриловича для того, чтобы посетить Владимира Николаевича, директора областной филармонии.

СРЕДИ МАГОВ, ФРАКОВ И АСТР

В КАБИНЕТАХ филармонии не было видно книг, зато стены были задрапированы многокрасочными афишами, изображающими экзотических мужчин с гигантскими астрами в петлицах фраков, великосветских дам и лилипутов.

Мужчины и дамы сплошь носили пышные, нерусские фамилии, как и полагается магам и иллюзионистам, остановившимся в Туле проездом из Дели или Сан-Франциско.

Общество магов и иллюзионистов не импортило Владимира Николаевича Афанасьева. Директор филармонии оказался на редкость прямодушным человеком. Он не скрывал от общественности своих секретов и тайн. Он сразу же открыл свою душу.

— Не напоминайте мне о лете, — сказал Владимир Николаевич. — Летние месяцы нынешнего года самые неприятные для филармонии. Надо организовывать концерты на площадках, а для этого нужны артисты...

Затем последовал трогательный рассказ

о величии и падении Тульской филармонии. Владимир Николаевич поведал о тяжёлом грузе долгов и убытков, висящем на шее руководства, об арестованных счетах, картотеке и прочих леденящих душу деталях, до конца понятных только хозяйственникам.

— После всех этих передрыг чувствуем мы себя неважно! — признался директор.

Мы никак не реагировали на это признание, так как вспомнили о самочувствии тульского зрителя, которому, кстати, решительно нет дела до директорских переживаний и финансовых неурядиц.

В заключение Владимир Николаевич посоветовал встретиться с Николаем Дмитриевичем Тужилкиным, начальником областного комитета по делам искусств.

Несмотря на несколько пессимистическую фамилию, товарищ Тужилкин не был пессимистом.

— Я знаю, что летнее обслуживание Тулы зрелищами организовано неудовлетворительно, — бодро заявил товарищ Тужилкин. — Но это поправимо. Наша филармония находится в тяжёлом материальном положении. Это тоже поправимо. Я надеюсь, — продолжал Тужилкин со светлой, оптимистической улыбкой, — что Министерство финансов спит с нас долги...

Мы подумали, что это не так уж легко поправимо, но воздержались от реплик.

— Рядовой тульский зритель, — продолжая улыбаться, говорил товарищ Тужилкин, — сильно вырос за эти годы. Меня часто спрашивают: «Когда же вы, товарищ Тужилкин, привезёте нам Козловского, Лемешева, Игоря Моисеева?» Вы, видимо, догадываетесь, что

такие настроения сильно осложняют нашу работу...

Мы так и не поняли, радуется ли Николая Дмитриевича культурный рост тульского

зрителя или же он сетует на это обстоятельство. Впрочем, мы многого не поняли из этой беседы. Одно лишь было ясно: в Туле летний отдых организован плохо.

* * *

— Ну, как, нашли то, что искали? — спросил нас при встрече старый тульский оружейник Пётр Алексеевич Семёнов.

— Как вам сказать...

— Знаю, нашли лето, только очень скучное. Не так ли? — улыбнулся в тронутые сединами усы местный старожил.

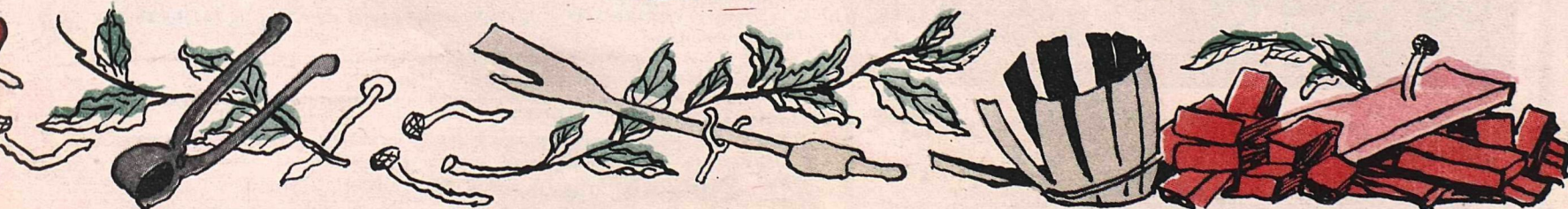
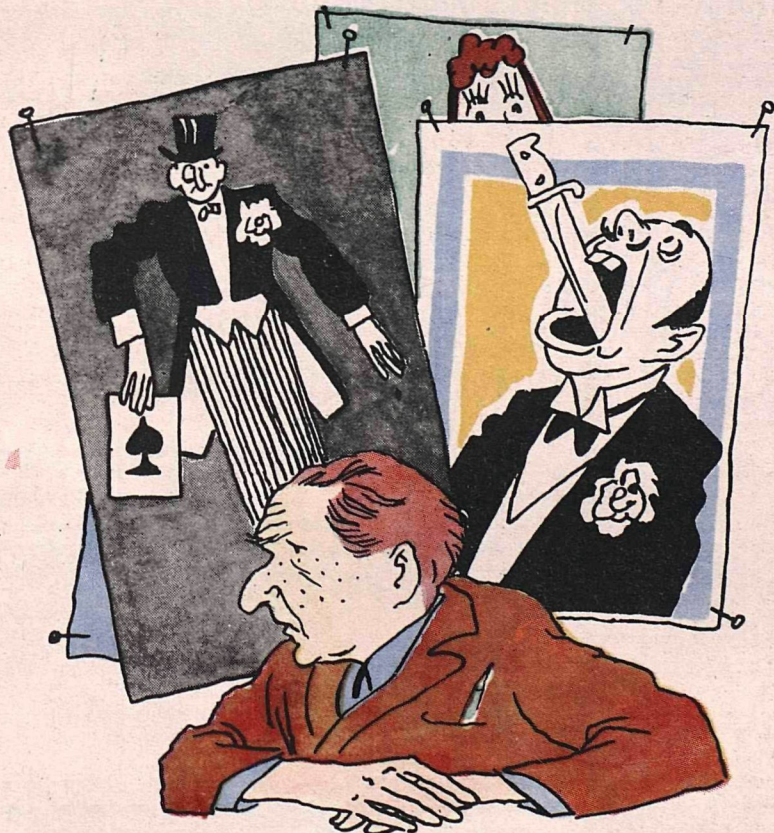
Мы закивали головами, дивясь прозорливости старого оружейника.

С. ШАТРОВ

Иллюстрации Г. ВАЛЬКА

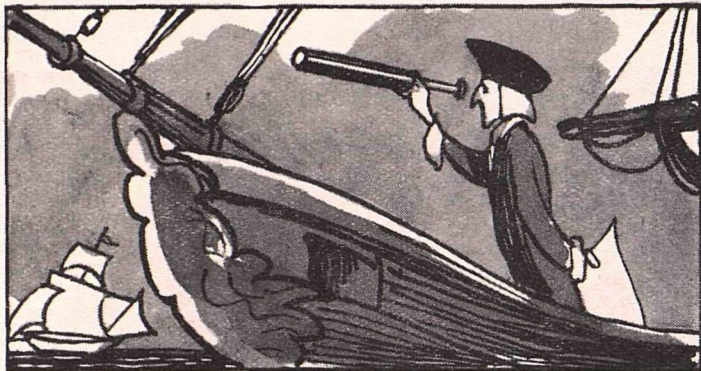
(Специальные корреспонденты
Крокодила)

Тула.

К ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО ТУРИЗМА.

Рис. Л. БРОДАТЫ

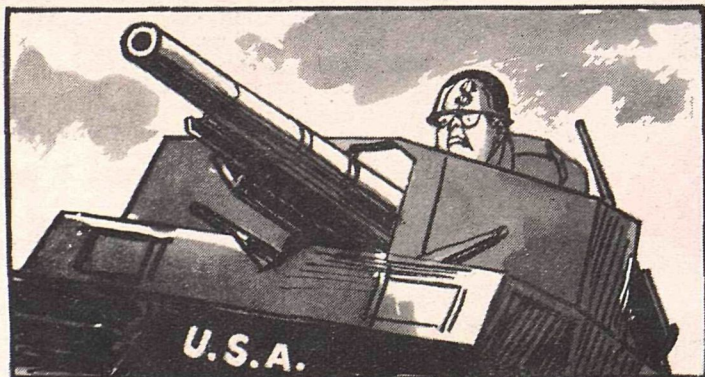
В далёкие времена американцы совершали поездки на парусных судах.

С ростом техники они стали путешествовать в поездах.

В начале двадцатого века автомобиль стал излюбленным средством их передвижения.

В наши дни американские заправилы предпочитают такой способ передвижения.

Сообщаем адрес

К сведению любителей игры на гармонии: ни в коем случае не вздумайте проводить свой досуг, развлекаясь игрой на инструменте, изготовленном фабрикой «Красный партизан». Уверьяем вас: ничего хорошего из этой затеи не получится.

Вот что пишут в редакцию рядовой Смирнов и сержанты Шкурю, Бондаренко и Виноградов. Вздумали они как-то во время отдыха попеть и поплясать. Взял один из них в руки гармонию, широко развёл её, и вдруг вместо мелодичных звуков далеко не мелодично посыпалось на пол всё содержимое инструмента.

Обескураженному музыканту ничего не оставалось делать, как просить нас выразить глубокую благодарность авторам бракованного изделия за отеческую заботу об отдыхе его и товарищей по адресу:

**ЛЕНИНГРАД,
ФАБРИКА «КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН».
ДИРЕКТОР — ТОВ. БЕСПАМЯТНОВ.**

* * *

Читатель! Не верь глазам своим, если увидишь в обувном магазине мужские полуботинки жёлтого цвета, изготовленные Тбилисской фабрикой модельной обуви. По уверениям С. Ломтева (город Чернигов), никогда не страдавшего дальтонизмом, жёлтый цвет на туфлях вовсе не жёлтый, а зелёный. Он убедился в этом на личном опыте. Проносив всего лишь два дня обувь, определённо выглядевшую жёлтой, тов. Ломтев, к ужасу своему, заметил, что она приобрела зелёную окраску.

Лицам, желающим приобрести мужские туфли цвета свежего сена, рекомендуем обращаться по адресу:

**ТБИЛИСИ,
ФАБРИКА МОДЕЛЬНОЙ ОБУВИ.
ДИРЕКТОР — ТОВ. ТЕР-ОГАНЕЗОВ.**

* * *

Как удалось артели «Электросварщик» добиться того, чтобы выпускаемые ею замки существенно отличались от других замков, остаётся пока секретом. Не секрет лишь то, что, владея такими замками, никак нельзя считать себя полностью застрахованным от краж и хищений.

Купили пятьдесят таких замков и сто ключей к ним тт. Корвига, Прокошев, Кожемяко и Толкач (город Столбцы, БССР) и на личном, так сказать, опыте убедились в правильности наших утверждений. Дело в том, что любой из ключей без особых усилий открывал любой замок.

Такой упрощённый способ изготовления замков умиляет нас и вызывает желание немедленно сообщить адрес их творцов:

**КИЕВ,
АРТЕЛЬ «ЭЛЕКТРОСВАРЩИК»
МЕТАЛЛОПРОМСОЮЗА.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АРТЕЛИ — ТОВ. ПРИМУШКО.**

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

ЦВЕТНИК В ГАЗЕТЕ

Конец весны и начало лета — наиболее благоприятное время для цветения луговой, полевой и лесной растительности. В городах же весенние месяцы ещё бедны цветами. Поэтому жители Харькова даже диву дались, увидев их в одном из майских номеров харьковской газеты «Красное знамя».

Правда, это были не розы, не ландыши, даже не одуванчики, а всего лишь цветы литературного красноречия. Зато пышные и густо-махровые. Произросли они в рецензии о постановке Театром имени Шевченко спектакля «Заговор обречённых». И расцвели на площади в 40 строк убористого шрифта (гектарами площадь цветистых рецензий пока не измеряется).

Не желая опустошить чужой цветник, разрешаем себе сорвать лишь несколько цветочков:

«Борьба для него — органическое состояние в данных политических обстоятельствах... Очень и очень интересен в этом смысле получился образ Манса Вента»;

«Острая памфлетность приёма органически вращается в содержание происходящего»;

«В сцене с Вастисом следует искать большей внутренней собранности, а главное, конспиративности»;

«Вот смысловый итог «лиловой сутаны», скрывающей ядовитую сущность...»

Дойдя до «смыслового итога сутаны», читатель цветистой рецензии, надо полагать, остановится: ведь поиски её «смысловых итогов» бесполезны. Смысл — это уже не цветочек, а плод. Ботаникою же давно установлено, что слишком махровые цветы не дают никаких плодов.

ХРАБРЫЙ ЗАЯЦ: — Спокойствие, друзья, не пугайтесь! Этот мистер зверей не ест, он людоед!

СТИХИ И ДУХИ

ЛЕТО. По лазурным магистралям плавно курсируют облака, строго придерживаясь правил небесного движения. Под лучами щедрого июньского солнца заблагоухали сирень и жасмин, левкой и фиалки.

В эту цветущую пору наша страна заканчивала приготовления к празднованию пушкинского юбилея.

К юбилею готовились все: колхозники перечитывали строки великого поэта, на сценах заводских дворцов культуры заканчивались репетиции пушкинских спектаклей, художники писали картины, поэты слагали песни, пушкинисты готовили исследования.

Не счёл возможным остаться в стороне от всеобщей подготовки к юбилею и тов. Дильман — директор Всесоюзного научно-исследовательского института синтетических и натуральных душистых веществ. Он решил... «разработать ряд новых духов».

Тов. Дильман решил не больше не меньше, как теоретически обосновать и подвести под летние запахи некий историко-лирико-литературный фундамент и сделать, таким образом, вклад не только в парфюмерную промышленность, но и в область изящной словесности.

Став на эту тернистую стезю, тов. Дильман сочинил парфюмерно-литературное послание столь незаурядной силы, что мы не можем отказать себе в удовольствии процитировать его.

Речь идёт о письме, с которым обратился тов. Дильман к ряду лиц, коим он разослал на предмет отзыва образцы новых духов:

«Уважаемый товарищ!

В честь 150-летия рождения великого русского поэта А. С. Пушкина в нашем институте разработан ряд новых духов, о которых просим дать отзыв ведущим артистов вашего коллектива в отношении красоты и стойкости запаха, а также соответствует ли наименование».

Из уважения к памяти великого поэта не будем спрашивать у директора института, что он думает «в отношении красоты» своего слога, «а также соответствует ли наименование». Углубимся лучше в дальнейшее чтение письма:

«Духи № 1 имеют свежий яркий запах с примесью некоторой грустной ноты и передают переживания, связанные со стихотворением «Я помню чудное мгновенье». Духи предназначены для отдушивания светлых шёлковых тканей».

Духи № 2 представляют собой вариант духов «Подарочные». Построены на базе шипра и стиракса и передают сказочную обстановку «У лукоморья дуб зелёный».

Духи № 3 построены на базе ириса и

лаванды, передают ночную прохладу и образ «Русалки».

Духи № 4 соединяют в себе запахи типичных мужских духов шипра и гвоздики, по замыслу передают образ «Евгения Онегина».

Итак, граждане, занимающиеся «отдушиванием» носимых тканей, именуемых обычно одеждой, отныне могут знакомиться с произведениями великого поэта путём не столько чтения стихов, сколько нюхания духов.

Однако, думается нам, перевод произведений Пушкина на язык вегетала не состоится.

Возможно, что Главпарфюмер возразит нам:

«Позвольте! Мы обладаем некоторым опытом. Ведь есть же у нас духи «Жди меня!»

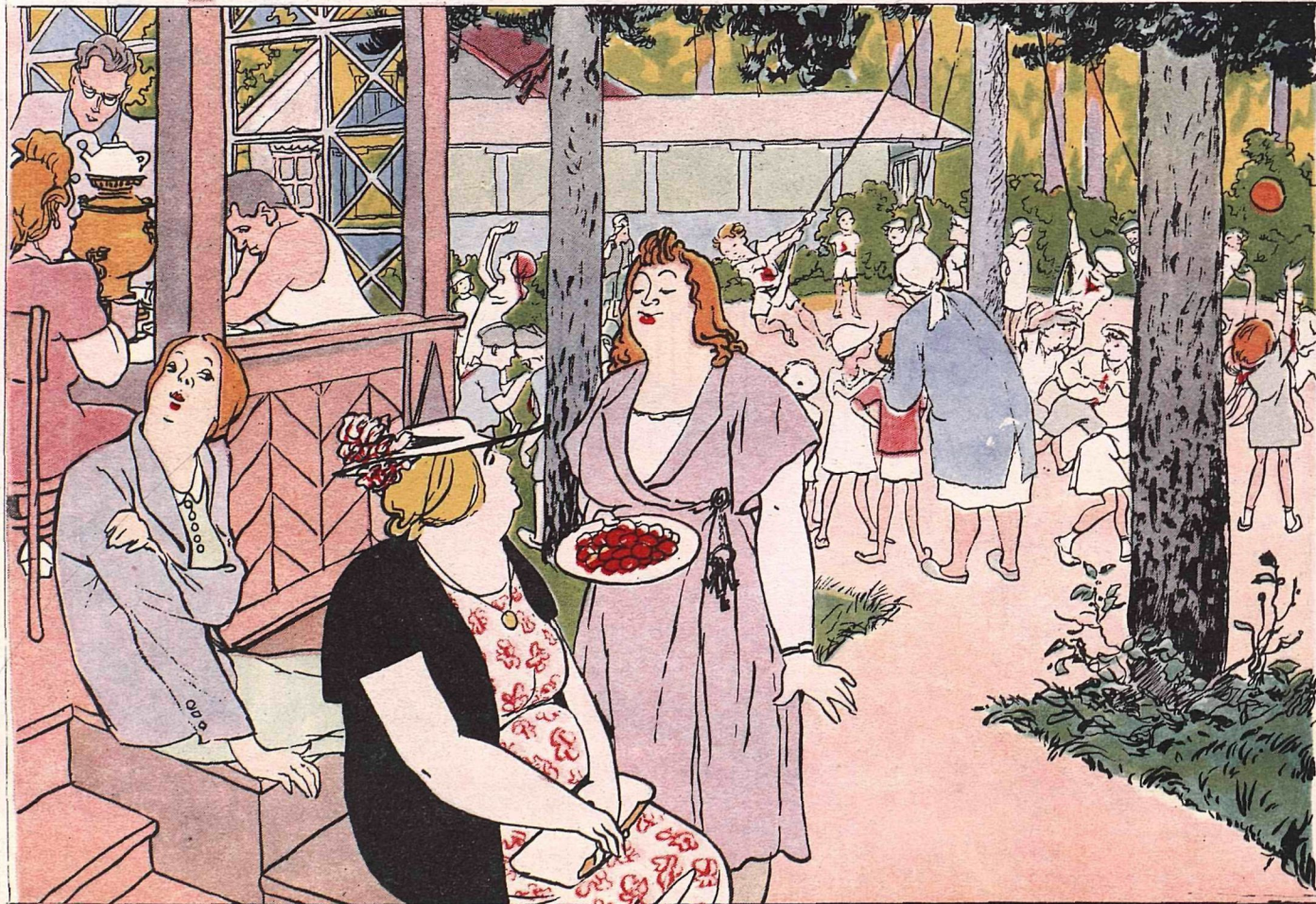
Может быть, даже Главпарфюмер уже в недрах своих разрабатывает крем для уничтожения веснушек «Так и будет!»

Однако нам хотелось бы укротить разбушевавшихся парфюмерных литераторов. Хотелось бы напомнить им, что колхозники, готовясь к пушкинским дням, не называли курицу Ариной Родионовной, ибо им дорога память о великом поэте.

Мы не имели удовольствия вдыхать нежнейшие ароматы описанных выше новых образцов, но можем с уверенностью сказать, пользуясь терминологией тов. Дильмана, что его аннотация построена на базе легкомыслия и имеет стойкий запах бестактности с примесью безвкусицы.

Ян САШИН

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Некоторые детские дачи — дома отдыха — слишком часто посещают родственники... обслуживающего персонала.

— Всем здесь хорошо! Только вот дети мешают отдыхать!

— Нас только что обвинили в однообразии аттракционов! Немедленно перестроиться! Крутите карусель в обратную сторону!

ИГРА В ФАМИЛИИ

Как известно, всевозможные справочники издаются для того, чтобы из них можно было почерпнуть полезные сведения. Вероятно, эту цель преследовали и газета «Вечерняя Москва», издавшая справочник «306 матчей», и издательство «Физкультура и спорт», выпустившее в продажу пособие под названием «Первенство СССР по футболу 1949 года».

Что же может узнать болельщик о футболе, пользуясь этими справочниками? А вот что.

Справочник «Вечерней Москвы» утверждает, например, что фамилия вратаря ереванского «Динамо» — Закирян, а справочник «Физкультура и спорт» настаивает на Затыкяне; защитник харьковского «Локомотива» именуется Брусовым и Брутовым, защитник «Даугавы» — Круштем и Круншем. Эта своеобразная игра в фамилии относится не только к вратарям и защитникам. Нападающий «Нефтяника» наречён Апашкиным и Аношкиным, нападающий «Шахтёра» — Костинча-

ном и Костинчаком. Не забыты и тренеры. Тут дело серьезнее. Названы разные лица. В справочнике «Вечерней Москвы» тренером «Нефтяника» объявлен Пацевич, а в другом справочнике — Путилин.

Кто же прав, кому верить? Рекомендуем в качестве пособия к этим справочникам слушать информацию о составах команд, которая передаётся на стадионах по радио перед началом каждого футбольного матча. Тогда всё станет ясным!

ВЕТЕРИНАРИЯ ПЛЮС КУЛИНАРИЯ

Кулинарный цех Львовского птицекомбината решил порадовать своих земляков новой продукцией и стал выпекать медовые пряники. Но... нет пророка в своём отечестве! Львовские жители упрямо не хотят покупать медовую утеху, несмотря на заманчивый её вид и относительно умеренную цену (20 рублей за кило). Не действует на их сознание и тот факт, что пряники признаны ветеринарным врачом комбината тов. Довгалюком пригодными к употреблению, на что имеется соответствующая справка.

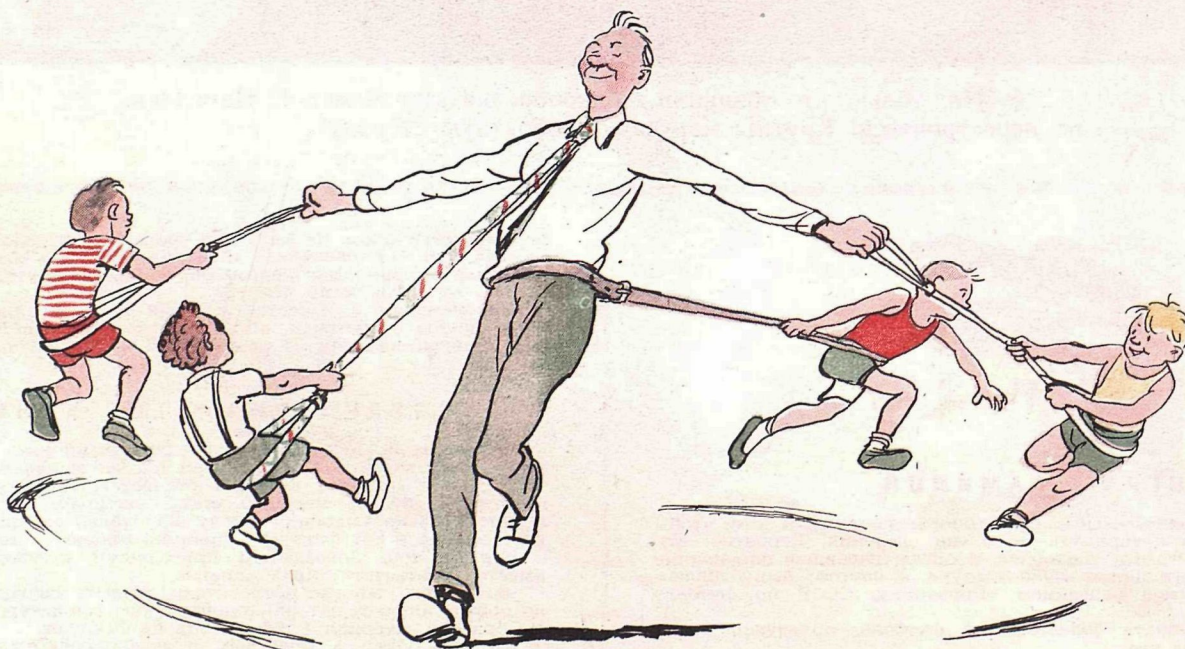
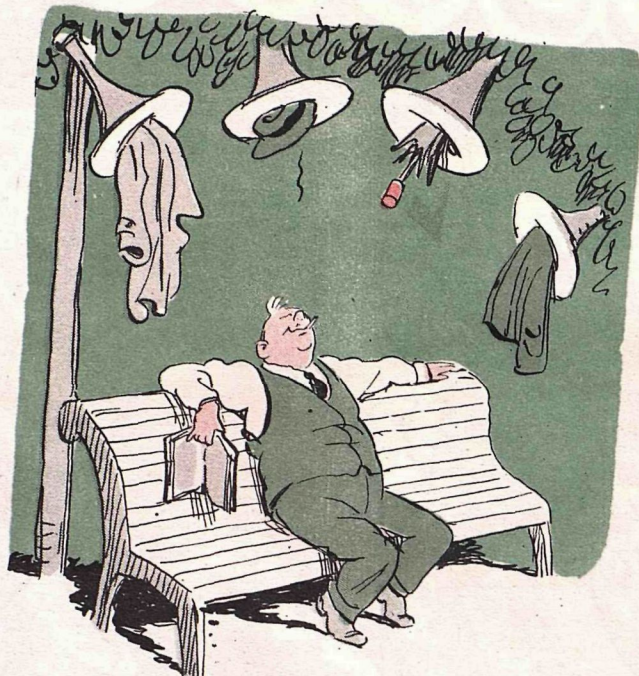
Более того, многие потребители открыто выражают свои сомнения по поводу альянса ветеринарной науки с кондитерским производством. Но бравого ветеринара это ничуть не смущает:

— Помилуйте, в пряниках я разбираюсь отлично. На чём они замешаны? На меду. Кто даёт мёд? Пчёлы, то есть животный мир. Стало быть, мне и карты в руки.

Несмотря на столь неопровержимую логику, пряники продолжают пылиться на магазинных полках. Привередливые львовяне полагают, что, кроме приличного вида и гарантированной тов. Довгалюком безвредности, пряники должны ещё иметь и приятный вкус. А таковой в птицекомбинатовских изделиях как раз и отсутствует.

В ПАРКЕ ОТДЫХА, НЕ ПРИСПОСОБЛЕННОМ ДЛЯ ОТДЫХА, ИЛИ...

Рис. И. СЕМЕНОВА

... Отдых отдыхающих — дело рук самих отдыхающих.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

Быстрыми темпами идёт восстановление парка при сахарном заводе в посёлке Эртиль. Благодаря заботам руководства завода, в частности, директора И. С. Горбаченко, секретаря партийного бюро И. А. Чопорова и председателя заводского комитета

КОШМАР ХУЛИГАНА

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

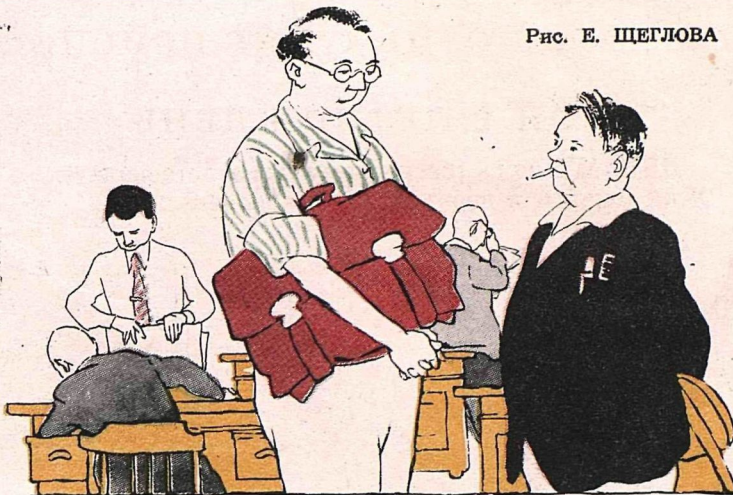

Преступление...

...и наказание.

Рис. Е. ШЕГЛОВА

— Когда вы собираетесь в этом году отдыхать?
— Не знаю! У нас теперь очень туго с командировками!

М. Е. Клюквина, в 1947 году в парке была проведена грандиозная работа по зарытию одной небольшой ямы. В 1948 году фронт работ значительно расширился — и на территорию парка было завезено две машины шлака. А в этом году восстановление парка приняло невероятный размах: заводоуправление распорядилось доставить уже три машины шлака.

Есть все основания полагать, что при таких темпах парк будет отстроен, по оптимальным расчётам, к концу двадцатого или в крайнем случае в самом начале двадцать первого века. Мы не теряем надежды!

Д. КРУТСКИХ,
редактор газеты «Сталинский путь»

Эртиль,
Воронежской области.

Дорогой Крокодил!

Не можешь ли ты дать добрый совет издательству Министерства сельского хозяйства СССР, выпускающему газету-плакат «Агротехсоветы колхозам», чтоб оно почаще заглядывало в календарь, а если такового у него нет, то хотя бы почаще поглядывало в окно.

Дело вот в чём. В конце мая, когда мы готовились к предстоящей уборке урожая, я вдруг получаю газету-плакат «Агротехсоветы колхозам» № 9 за 1949 год, где мудрые агротехсоветчики дают советы... Ты, дорогой Крокодил, небось, думаешь, что эти советы относятся к уборочной кампании? Ничего подобного! Газета-плакат, нисколько не смущаясь, посоветовала нам вести работу по задержанию снега и талых вод на полях.

Как подписчику, мне и дальше придётся получать эту газету. Это вызывает у меня серьёзное опасение, как бы в августе не прислали совет о мерах борьбы с весенними заморозками, а в декабре — о способах окуличивания картофеля.

Чем чорт не шутит! Возьмут да и посоветуют.

М. ДОЛИНИН

Калачёвский зерносовхоз,
Воронежской области.

Дорогой Крокодил!

Мы, чкаловцы, никогда не жаловались на недостаток тепла в летние месяцы.

Однако недавно нас прямо-таки в холод бросило от немислимого жара, который нагнал на нас московский лектор В. Я. Колданов, утверждающий, что средний зной в Чкалове определяется среднеиюньскими температурами в плюс 41 градус!

Бррр! Какой ужас! Даже мороз по коже дерёт! Но если бы уважаемый лектор поделился этим сообщением с нами в личной беседе, с глазу на глаз, мы бы его, быть может, как-нибудь разубедили. Гораздо хуже то, что мы об этом прочли на стр. 5 стенограммы его лекции «О сталинском плане преобразования природы степей и лесостепей».

Хотя выходит таким образом, что мы перецегаляли и Африку и прочие жаркие страны земного шара, но в данном случае мы охотно уступаем первенство любой из них. С нас хватит и обычной для наших мест средней температуры — плюс 20 градусов.

Б. ЗАВЬЯЛОВ

Город Чкалов.

39

- 4 ИЮЛ 1949

6 9 3 9
Ж

СОН В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

ДЕД-МОРОЗ (беспечному хозяйственнику): —
Жди меня, и я вернусь!.. Только очень жди!..

Всесоюзная
Книжная Палата
Обяз. экзempl.
1949 г.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ